

Владимир
Чистополов

Были всякие дела, и росла Йошкар-Ола

18+

Владимир Чистополов

Йошкар-Ола - не Ницца, зима здесь дольше длится

https://litres.ru/74796077
SelfPub; 2026

Аннотация

Люди не очень охотно ворошат прошлое, а если и ворошат, то редко делятся с кем-нибудь даже самыми яркими воспоминаниями. Разве что в разговоре. А вот Владимир Чистополов выплеснул их на бумагу. И это довольно интересно.

Содержание

Были всякие дела, и росла Йошкар-Ола 5
Конец ознакомительного фрагмента. 46

Владимир Чистополов
Йошкар-Ола - не Ницца, зима здесь дольше длится

Владимир Чистополов.
По ступенькам памяти

Были всякие дела, и росла Йошкар-Ола

Люди в большинстве своем предпочитают жить текущим днем. Они не очень охотно ворошат прошлое, а если и ворошат, то редко делятся с кем-нибудь даже самыми яркими воспоминаниями. Разве что в разговоре. А вот член Союза писателей России Владимир Чистополов выплеснул их на бумагу.

Он сделал это настолько талантливо, что из-под его пера вышла подлинная летопись марийской столицы. Пусть охватывающая не такой уж внушительный исторический период, но по-настоящему живая, проникнутая любовью к Красному городу и его жителям, щедро приправленная своеобразным юмором.

Воспоминания цеплялись одно за другое, а потому вылились в целую серию очерков под общим названием «Были всякие дела, и росла Йошкар-Ола». Все они увидели свет на страницах газеты «Марийская правда». Не сказать, чтобы уже после первого из них автор проснулся знаменитым, но читательский интерес возрастал от очерка к очерку. В редакцию пошли звонки, они непрерывно множились, а общий смысл был таким: «Прочитал (или прочитала) с боль-

шим удовольствием, публикации оживили собственную память о тех временах, очень хочется увидеть продолжение».

Когда йошкар-олинский «сериал» закончился, стало даже немного грустно, как после расставания с хорошим другом. Поэтому, узнав, что он может быть напечатан в книжном издании, я воодушевился. Считаю, что это правильная идея. Текст Владимира Чистополова не только очень хорош в литературном отношении, но и имеет большую познавательную ценность. Уверен, что такая книга сразу найдет своего читателя и не залежится на полках.

Владимир Марышев,
член Союза писателей России.

Из деревянной школы – в светлое будущее

Мальцы шестидесятых

В штанах ходили мятых,

Вокруг парней фиксатых -

Ушастых блатарей.

Играли в "храп" и в "чику",

И было много крику,

Когда тянул на пику

Какой-нибудь халдей…

Йошкар-Ола начала 60-х – тихий провинциальный городишко, утопавший в зелени. Маленькая столица маленькой Марийской Автономной Советской Социалистической Республики. Весной и осенью без сапог по городу пройти было невозможно, на дорогах, даже близко к центру, зарываясь в грязь, буксовали автомашины: новые "газики" и исчезающие уже "полуторки" с фанерными кабинами. Мелькали видавшие виды "эмки", и изредка роскошные "Победы" привлекали внимание окружающих. Вдоль проезжей части для пешеходов были настланы деревянные тротуары, ходить по которым нужно было с опаской, чтобы не споткнуться о приподнявшуюся доску, вылезший гвоздь и не провалиться в образовавшуюся по недосмотру плотников или ретивых пешеходов глубокую щель.

Особенно неудобно было женщинам, надевшим туфли на каблуках, надо было все время внимательно смотреть, куда ступаешь, иначе каблучок мог застрять между досками, а при резких движениях даже отвалиться. Женщина в таком случае очень сердилась и, хромая на одну ногу, уходила поддерживаемая под руку кавалером, если таковой у нее имелся.

Школа №4 на улице Комсомольской, тогда еще восьмилетка, куда родители в 1960 году определили меня учиться,

была деревянной, двухэтажной и окружена садом, где росли огромные яблони, на грядках зрели овощи, а в тепличке стараниями учителей биологии плодоносили арбузы. Правда, маленькие и невкусные, но это были арбузы – южные плоды, которые появлялись в Йошкар-Оле только осенью и ненадолго.

Чудом сохранившийся до наших дней Дом колхоз-

ника

Вокруг школы царил частный сектор с бесчисленными сараями, огородами и палисадниками. Напротив, через улицу, стоял Дом колхозника, двухэтажный деревянный терем с резным крыльцом. Окна здесь, очевидно, по причине буйного нрава командировочных выпивших механизаторов, часто на время забивали фанерой или занавешивали брезентом. Но в целом городок был патриархально тих, если вдруг случалось, не дай бог, какое убийство или другое насилие – это было темой для разговоров на долгое время.

Школьников тогда одевали в одежду, сделанную по типу формы старорежимной гимназии. Только на пряжках ремней и кокардах фуражек блестели не царские орлы, а школьная символика. Пряжки эти рекомендовалось постоянно чистить, для чего каждому мальцу давали по кусочку пасты ГОИ, и, придя домой, ребенок суконкой полировал медные составляющие своего мундира, включая и пуговицы. Сама форма шилась из сукна мышиного цвета, достаточно крепкого, но вздувавшегося и вытиравшегося на коленках и на заднице, поэтому к концу года ученики выглядели не очень презентабельно.

Пионерский сбор в Доме культуры. 1965 год

Впрочем, ближе к середине шестидесятых форму уже отменили. Девочки продолжали ходить в коричневых или черных платьях и черных же фартуках, которые в праздничные дни они меняли на белые. А мальчишек во время торжественных октябрятско-пионерских слетов одевали в белые рубашки. В будние дни они ходили в школу, как бог на душу положит, в основном в клетчатых дешевых "ковбойках" или спортивных трико.

В большом деревянном здании по соседству со школой, привлекавшем внимание огромными колоннами у входа,

был городской Дом культуры, а позже кукольный театр. В особо торжественные дни вся школа вываливала в зал этого дворца. Барабанные дроби, горны, длинные речи и беспокойство учительниц, которые не могли удержать своих неугомонных подопечных от озорства во время этих тягомотных мероприятий. Пионеры и октябрята отчитывались о проделанной общественной работе, говорили об успеваемости и увещевали собравшихся, что, как славный мальчик Павлик Морозов, никого не пожалеют ради нашего с вами прекрасного будущего.

Кончались иногда такие мероприятия неприятностями. Какой-нибудь хулиган, не удержавшись, в порыве мелкой мести мог выстрелить из рогатки по мягкому месту справедливому и честному председателю совета дружины, за что впоследствии вставал вопрос о его исключении из школы. Собирались педсоветы, вызывались родители, провинившийся с поникшим чубом стоял перед общественностью, краснел и обещал больше никогда так не делать. Кончалось, как правило, тем, что его прощали, предупредив, что это в последний раз.

Кстати, о чубах. Даже в провинциальной Йошкар-Оле находились свои битники, которые, чтобы отличиться от основной массы, отращивали чубы. В основном старшеклассники, как правило, из неблагополучных семей. Зрелище было не для слабонервных. Стриженная наголо голова, а впереди чуб, как у Тараса Бульбы, закрывающий время от вре-

мени половину лица. Чубатые блатари вставляли себе в рот фиксы, по блатному шепелявили и плевали сквозь зубы. В школьном общественном туалете они иногда по очереди прилюдно занимались онанизмом, передавая друг другу для просмотра карты с голыми страшными тетками.

Такими картами, бывало, спрятавшись от посторонних глаз в каком-нибудь полуразрушенном сарае, играли в "очко" или в "храп" на мелкие деньги. На деньги тогда вообще играли повсеместно. Школьная администрация боролась с этим проявлением мелкобуржуазных наклонностей, но победить не могла. Играли в пристенок, а чаще в "чику". Для “чики” отливали специальные свинцовые бляхи, которыми разбивали "банк" из стоящих столбиком монет, повернутых "орлами" вверх. Монетки, перевернувшиеся на "решки" при попадании бляхи в "банк", разбивший забирал себе, а вдобавок мог еще бить бляхой по неперевернутым монетам, и если они переворачивались на "решку" – это тоже был выигрыш.

На заднем дворе школы случались драки. Дрались один на один, за этим строго следили собравшиеся. Особых травм после таких драк не было, так как кирпичами, палками и прочими подручными средствами пользоваться не разрешалось. А если кто-то все же хватался за кирпич, его быстро обезоруживали, он получал прозвище "псих" и долгое время не мог найти взаимопонимания с окружающими. Но это только в школе. Были в городе места, где дрались по-другому.

Слева – Ленин, справа – Сталин

Мы живем, почти не оглядываясь на прошлое, с головой погружаясь в житейские заботы, не замечая в бесконечной сутолоке дней, что мир вокруг нас необратимо меняется. Лишь изредка гуляя по городу и внезапно наталкиваясь на частицу старой, знакомой с раннего детства Йошкар-Олы в виде какого-нибудь чудом уцелевшего деревянного домишки с резными ставнями или "сталинского" толстостенного дома, где некогда жили твои друзья, понимаешь, что с тех пор как ты появился на свет прошло уже довольно много времени, и, хотя жизнь еще не окончена, большая ее часть уже прожита. И ты не прочь бы повторить все сначала, вернуться туда, где молодая мама, живой, здоровый отец, где добрая бабушка печет оладушки, где каждый день длиною в целую жизнь начинается с солнечных зайчиков, прыгающих по пестрому одеялу…

В конце пятидесятых у входа в педагогический институт, где работали мои родители, стояло два больших памятника, выкрашенных бронзовой краской. Слева – Ленин, справа – Сталин. И было два запущенных сквера, разделенных центральным входом в институт. В "сталинском садике" по вечерам собиралась местная шпана. Жиганы постарше щеголяли в яловых сапогах, в которых прятались финские ножики с наборными ручками, или в пыльных широких штанах и вельветовых куртках с накладными карманами. Они кури-

ли папиросы, пуская дым кольцами. Младшие были на побегушках, старшие корчили из себя блатных. Днем эта публика, если не училась и не работала, то пряталась по курятникам, валяясь на отделенных дощатыми перегородками старых топчанах. Даже патефоны были в сараях, заполнявших все пространство между жилыми домами: "В парке Чаир распускаются розы…"

Впрочем, и милиция не дремала. Все время устраивались какие-то облавы, черные "воронки" подъезжали, меж сараев бегали люди. И в "сталинском садике" навели порядок, лишние кусты повырубили, скамейки поставили, милиция какое-то время дежурила, чтобы, не дай Бог, с кого-нибудь часы не сняли.

Жили мы в деревянном доме позади института. За домом начиналось колхозное картофельное поле, чуть дальше за высокими деревянными воротами располагалась сельхозопытная станция, куда мама брала меня иногда, проводя практические занятия со студентами. Там росло много разных удивительных растений, в клетках жили кролики и цыплята. Сразу за станцией строили телевышку, работая от зари до зари. Вечерами со двора дома было видно, как все выше и выше поднимаются над землей красные фонарики, укрепленные на металлических конструкциях. Против пединститута стояла деревянная бакалейная лавка, туда мы с бабушкой ходили покупать сахар. Сахар продавали огромными головами, которые отец потом колол на куски топориком, а

куски – на мелкие кусочки с помощью специальных щипцов. Сахар был очень твердый и очень сладкий, я таскал его из сахарницы, засовывая за щеку, как обезьяна.

Рядом с нашим домом тянулся длинный барак, в котором семьи обитали отделенные друг от друга фанерными стенками. Там было много клопов, соседи часто ссорились, выпившие мужья гоняли визжащих жен. И маленький мальчишка-татарчонок, которому отец сделал обрезание, бегал по улице в окровавленных ситцевых шароварах…

А на улице Карла Маркса напротив церкви лошади увязали в глине по брюхо. Мужики распрягали их, чтобы вытащить, отдельно потом выталкивали телеги.

Время невозможно повернуть вспять. У каждого своя судьба. Дни проходят с каждым годом все быстрее и быстрее. Меняются ценности, меняются люди. Одно нельзя изменить – то, что уже прожито. И время от времени память все равно будет уносить туда, где остались наши детство и юность.

Паразитов победили

В начале шестидесятых город быстро строился и напоминал огромный муравейник. На месте бульвара Свердлова (теперь бульвар Победы) – земляные горы, вынутые из-под фундаментов жилых домов. На месте проектного института – деревянные хибары, вместо Вечного огня – деревня в центре города. Коряково, или Коряковка, как мы ее называли. Вдоль всей деревни россыпи акаций, а за разнокалиберны-

ми изгородями – яблоневые сады. В конце Коряковки недалеко от забора городского парка стояла кузница, и там всегда толкались мальчишки, наблюдая, как кузнец тюкает молоточком, а молотобоец бухает по раскаленной подкове тяжелым молотом, выбивая искры.

А наш двор, начавшийся с трехэтажного и двух четырехэтажных "сталинских" домов, непрестанно прирастал "хрущевками", куда съезжался разномастный люд. Трехкомнатная квартира на одну семью, как у нас, была роскошью. Даже в "хрущевках", в двухкомнатных апартаментах собиралось по две, а если считать родственников, то и по три семьи. И все равно люди были счастливы, ведь сюда они переезжали из заводских бараков, где вместо стен фанера, удобства на улице и произвол пьяных соседей, спрятаться от которых было нельзя. Вместе с вещами, среди которых мелькали сундуки, сделанные еще в царское время, новые жильцы привезли в свои новые жилища множество вредных насекомых и начали сообща бороться с ними. Аэрозолей с дихлофосом тогда еще не было, мазали щели, где прятались клопы, керосином и дустом, отчего даже в подъездах часто воняло так, что любой вошедший спешил скорее выбраться на улицу.

И победили насекомых. Кто-то раньше, кто-то позже, но паразитов повывели. А какие могут быть паразиты, если вода под рукой, хоть каждый день полы мой! Насекомые же от грязи заводятся, а тут все чинно, благородно, титан затопил – помылся после работы, лепота! Попадались, конечно,

не совсем сознательные личности, вроде соседки тети Дуси (вечная ей память), которая не только не хотела травить появившихся у нее тараканов, но еще и подкармливала их, уверяя окружающих, что наличие тараканов в доме – к деньгам. Долго ее общественность стыдила, даже милицией грозили.

И топорщились усы от дешевой колбасы

Настроение у народа было хорошее. Продуктовые карточки давно отменили, дефицита на основные продукты питания не было. К очередям привыкли, ведь сразу после войны было хуже. Стояли с бидонами за разливным молоком, стояли за колбасой, за мясом. Очереди, конечно, унижали человеческое достоинство, но зато все было дешево. Кому не хотелось толкаться в очереди, тот мог пойти на городской рынок и купить там продукты подороже. Впрочем, таких было немного, все цены выше государственных вызывали нарекания, а тех, кто их устанавливал, запросто могли окрестить спекулянтами.

Привык народ к дешевой жизни. Зачем на рынке покупать втридорога? Впрочем, в начале шестидесятых рынок по ценам тоже контролировался. Не давали частнику или колхознику произвольно цену назначить. Государство за всем следило. И при обычной дореформенной зарплате моего отца в 1500 рублей говядина на рынке стоила где-то около 25-30 рублей, впрочем, в силу своего тогдашнего возраста ценами я не интересовался.

Денежная реформа 1961 года запомнилась многочисленными обсуждениями на кухне и новыми бумажными деньгами, которые по размеру были меньше старых, но стоили гораздо дороже. И цены как-то незаметно выросли. Если раньше до 1961 года пирожок с мясом в школьной столовой стоил тридцать копеек, то новыми деньгами цена его перешла в пятак. Вроде и дешевле на первый взгляд, но, если перевести новые деньги в старые, то пирог стал стоить уже 50 копеек. Потом все перестали удивляться нововведениям и пересчитывать деньги, потраченные на покупки по старому курсу. Человек быстро привыкает ко всему.

Привыкли и к новым рублям (кстати, с того времени вплоть до конца семидесятых на рубль в день можно было худо-бедно прожить. Литр молока стоил 16 копеек, черный хлеб – 18, белый – 20, проезд на автобусе – 5). Надо сказать, что с начала 60-х и до середины 80-х годов цены если и росли, то как-то незаметно, мало кто обращал на это внимание. Другое дело – ассортимент товаров на прилавках. По этому поводу равнодушных не было, и всегда находились недовольные.

В Йошкар-Оле "золотой век" был где-то в самом конце 60-х – начале 70-х годов. Продуктов в магазинах было полно всяких. Килограмм сервелата стоил около 4 рублей и за колбасой к нам из Горького приезжали родственники. Где-то 2 рубля 20 копеек стоили “Любительская” и “Докторская” колбасы. У настоящей “Докторской” колбасы был изумительный

вкус и запах. Это вам не теперешние колбасы из папье-маше, имеющие вкус картона. В кафе "Рассвет" на бульваре Свердлова в банках продавали черную икру, цену я не помню, но было это, очевидно, не очень дорого, потому что люди брали, особенно к праздникам.

Полно было морской рыбы. Лежали на прилавке: ставрида, скумбрия, рыба-сабля, нототения. Стоила рыба в среднем от 40 до 90 копеек за килограмм. (Соленая килька – 20 копеек). Иногда стихийно возникали очереди за привезенным палтусом или копченой селедкой, но, повторяю, советские люди к очередям привыкли, и особого возмущения это не вызывало. Продукты были, как правило, качественные, за этим следили. Не могу себе представить директора продуктового магазина, который вдруг решил бы одновременно по соседству с колбасой торговать туалетной бумагой или стиральными порошками. Посадили бы его, наверное, сразу.

А вот сыра в обычном обиходе было, кажется, только три сорта: костромской, ярославский, голландский. Это были хорошие сыры. Они могли очень долго лежать в холодильнике, покрывшись испариной, и не портились.

Бывший колхозный рынок в центре города незаметно стал цивильным. Появились новые павильоны. А еще в начале 60-х пацаны из нашего двора любили бегать сюда, чтобы посмотреть на лошадей, которых собиралось тут великое множество. Колхозники везли на телегах продукты, продавали, и лошади подолгу стояли на коновязях при входе на рынок,

ожидая хозяев. У нас были свои любимцы. Мы подкармливали их соленым хлебом, принесенным из дома. Половина двора считала, что самая сильная и быстрая лошадь – это Черт, лохматый жеребец в яблоках. Откуда пошло такое мнение неизвестно, зато было известно, что Черт кусается, поэтому близко подходить к нему опасались.

Рынок был уставлен деревянными прилавками с разноплановыми навесами, где одетые в длинные брезентовые фартуки небритые мясники рубили огромными топорами свиные и говяжьи туши и таскали их по рядам. Тут можно было купить что угодно, например, живую утку или целого барана. Медовые соты резали длинными ножами и складывали в принесенную покупателями посуду. Жареные семечки разрешалось пробовать, чем и пользовались вездесущие мальцы, запуская грязные ладошки в туго набитые мешки.

По соседству за 20 копеек можно было купить дымовую дустовую шашку и, чиркнув фитиль, вызвать среди окружающих большую панику. Впрочем, делать это было опасно, так как, поймав, продавцы могли всерьез накостылять по шее и сдать в милицию.

Все искали клады

В начале шестидесятых улица Коммунистическая была почти сплошь "деревянная". От пединститута до городской типографии тянулась грунтовая дорога, которая в демисезонье превращалась в непролазное болото. Кажется, только

небольшой участок близ типографии был выложен брусчаткой. Когда начали сносить деревянные дома по обе стороны улицы, на развалинах возникал шабаш. Вся окрестная ребятня искала в брошенных под снос домах спрятанные клады. Простукивали стены, отдирали половые доски, копали ямы в подпольях. Находили вещи удивительные. Но по тем временам не очень ценные. Старорежимные френчи, погоны, эполеты, седла с коваными стременами. Изредка царские монеты и ассигнации. Ходили слухи, что в доме, где по соседству позже построили кинотеатр "Октябрь", нашли гранату-лимонку. До последнего времени жил там сердитый дед, козу которого по дороге из школы разбитные старшеклассники выдаивали на землю, держа за рога. А дед, оставшийся без молока, гонялся за ними с суковатой палкой в руке. Но разве их догонишь. Они не просто убегали, а залезали при этом на забор и показывали деду голые задницы, от чего он злился еще больше, а они умирали от смеха.

В городе тех времен вообще многие держали скотину. Коров, конечно, в центре почти не наблюдалось, а коз, барашков, заводили повсеместно, и они вольно паслись, например, на поле напротив нашего двора. Там росли огромные березы, и был большой, заросший высокой травой, пустырь, куда шпана постарше приводила своих несовершеннолетних подружек и по очереди проделывала с ними свои первые любовные опыты. А шпана помладше смотрела на эти дела из зарослей бурьяна и тоже готовилась вступить во взрослую

жизнь.

На пустыре в укромных уголках играли в карты, пили дешевый вонючий вермут. Изредка тут появлялась милиция, начиналась беготня, милицейские свистки заходились соловьиными трелями. Сомнительная братия закоулками разбегалась по окрестностям и пряталась в огородах и в лабиринтах близлежащих строек. Менты, впрочем, особо не усердствовали, гоняли молодняк для порядка и, видимо, по наущению живущих поблизости доброхотов. У большинства из тогдашних милиционеров в кобуре оружия не было, разве что за редким исключением. Я не представляю, что стало бы с мирными гражданами той поры, если бы они увидели стража порядка с автоматом на груди, как это сейчас практикуется повсеместно. Переполошился бы, наверное, весь город слухами о начале войны. Мирное было время. Хотя доской по башке могли стукнуть, чтобы часы, например, снять или ботинки. Это уже ближе к семидесятым у старшеклассников часы появились, а в начале шестидесятых они не всем были по карману. Даже взрослые иногда часов не имели, многие пользовались довоенными или трофейными.

Осколки войны

Трофейные вещи еще имели хождение. Почти в каждой семье, куда с фронта вернулся солдат, находились такие вещи. Это могла быть немецкая губная гармошка, штык-нож, украшенный свастикой, посуда, вилки-ложки с немецким

клеймом. И пистолеты ТТ по рукам кое-где ходили, хотя за их хранение могли серьезно наказать. Даже в школу шустрые отпрыски пистолеты приносили с полными обоймами, тырили у своих спившихся израненных отцов-инвалидов. Безногих инвалидов войны в начале шестидесятых было много. Они ездили на деревянных площадках, оснащенных двумя парами подшипников, отталкиваясь от земли деревянными рукоятками, похожими на пресс-папье. Каталки скрипели и двигались с трудом. Инвалиды упирались в землю что есть мочи не в силах преодолеть рытвины, их подталкивали прохожие. Против школы был пивной ларек с вывеской, сделанной в старорежимном стиле. Там и винишко, кажется, какое-то продавали в розлив. Часто какой-нибудь безногий инвалид, не рассчитав дозу, падал со своей повозки прямо в грязь и валялся там, пока не приходила жена, которая тащила его домой грязного почти волоком, а он плакал и матерился.

Сейчас все это может показаться диким, а тогда было в порядке вещей. На трехколесных колясках, приводимых в движение рычагами, ездили только избранные. Впрочем, с каждым годом израненных на войне солдат становилось все меньше. Они незаметно умирали. Хоронили их тихо, без оркестров и торжественных речей.

Много позже, как-то накануне 9 мая, включив телевизор, случайно попал на передачу, где ребята из поискового отряда раскопали очередную безвестную могилу нескольких со-

ветских солдат времен Великой Отечественной войны. Бросилось в глаза то, что под поржавевшей каской "улыбались" свету божьему два ряда ровных белоснежных зубов. И сердце стиснуло от жалости, ведь такие зубы могут быть только у очень молодого солдата, вчерашнего мальчишки. Мальчишки, который погиб за то, чтобы я мог жить. Мы в неоплатном долгу перед солдатами, воевавшими и победившими в страшной войне. 20 миллионов погибших. А сколько раненых, контуженых? Сколько горя принесла война и тем, кто волею судьбы выжил, но страшные отметины остались навсегда.

Даже уже в шестидесятых в общественной бане, куда народ любил ходить всегда, даже имея благоустроенное жилье, а уж тем более из неблагоустроенного, было жутко смотреть на страшные рубцы и свищи от пуль и осколков, на безобразные культи рук и ног, хозяева которых, отстегнув в предбаннике незатейливые деревянные протезы, добирались до парилки, держась за стенки или с помощью товарищей, отпуская матерные шутки по поводу своей беспомощности.

Как много было таких, покалеченных войной, в начале шестидесятых, а к концу шестидесятых инвалиды войны на улицах встречались уже не часто. Раны и болезни прочно укладывали их в больничные койки, порой на всю оставшуюся жизнь. С каждым годом их можно было видеть все реже. Разве что 9 мая бойцы этой Великой Армии, собравшись с силами, дружно выходили на улицы в старых потертых во-

енных френчах с боевыми орденами и медалями на груди. Кто-то сам шел, кто-то на костылях, кого-то везли на тележке. Измученные, уставшие, но светлые лица, пронзительные глаза, смотрящие сквозь прохожих в прошлое. Такими они запомнились мне, частица моего детства, моей Родины, моей Йошкар-Олы.

Изменилась жизнь, изменился город. Каждый новый день приносит приобретения и потери. Жизнь проходит в таком быстром темпе, что остановиться и оглянуться просто некогда. Поэтому для меня всегда интересно и поучительно послушать людей, которые знают о войне не понаслышке. Перед глазами встает не придуманная история города, где сразу после войны, как и по всей России, было голодно и холодно, но поколение победителей, возвращаясь домой из мест службы и госпиталей, сквозь пот, кровь и слезы приспосабливалось к новой жизни. К жизни, где не надо с нетерпением ожидать сводок с фронта, не надо снова и снова идти в бой или просто бояться почтальона, повернувшего к вашему дому, потому что он может принести "похоронку".

И уже не страшны немцы, потому что они пленные, обустраивают вблизи города Сернурский тракт бутовым камнем и просят мальчишек продать им картошки. Но картошки у мальчишек нет, самим кушать нечего.

Очевидцы рассказывают, что дороги в послевоенном городе мостили деревянными чурбаками, которые проворные мальчишки время от времени таскали втихаря для обогре-

ва своих жилищ. С каждым годом жить становилось легче. В магазинах и на рынке все больше появлялось разнообразных продуктов, и, хотя были очереди и нормы отпуска в одни руки, домашние запасы понемногу пополнялись. За ценами был жесточайший надзор со стороны государства, поэтому кусок твердокопченой колбасы мог позволить себе и простой работяга.

А в 1947 году у пивзавода на перекрестке улиц Красноармейской и Карла Маркса обрушилась дорога. Любопытствующие спускались в этот провал в поисках подземного хода, но далеко пройти не могли, а раскапывать ход никто не пытался. Долгое время яма зияла посреди улицы, транспорту приходилось ее объезжать. До середины 70-х в этом месте на проезжей части время от времени проваливался асфальт. Позже дорогу качественно заасфальтировали и тайна подземелья была навсегда похоронена, хотя разговоры об этом возникают и по сей день.

Вокруг воды кипела жизнь

Река Малая Кокшага была средоточием интересов многих, в том числе и несовершеннолетних, йошкаролинцев. На ее берегах с ранней весны и до поздней осени кипела жизнь. В шестидесятых Кокшага не была так широка, как сейчас, местами при большом желании, взрослый пловец мог перенырнуть ее насквозь. К слову сказать, в четвертом классе я впервые переплыл эту реку в районе лодочной станции. Ме-

сто это называли “березкой”.

На "березку" мы ходили купаться всем двором. Летом здесь было столпотворение. Песчаного пляжа, конечно, никакого не было, и поэтому горожане плотными компаниями располагались на поросших травой берегах. Расстилали одеяла, выпивали, закусывали, играли в карты. Волейбольный мяч летал по кругу раздетых до трусов людей. Нейлоновые плавки и купальники были роскошью, купальные наряды многие тогда шили сами, а кому неохота было – загорали в "семейных" ширпотребовских черных трусах до колен, иногда подвернув их так, что они становились похожими на теперешние стринги. На берегу стояли дощатые "раздевалки", с буквами "М" и "Ж", где добропорядочные горожане, прыгая на грязном дощатом полу, выжимали после купания свое мокрое нижнее белье. А у вездесущих пацанов была возможность оценить в это время размеры мужских достоинств отдыхающих. Некоторые очень изумляли. На них потом, бывало, показывали пальцем и замечали: "Вот этот – конь натуральный".

Они не пижоны, просто позируют. Четвертый слева (в брюках) – мой брат Виктор. На “березке”. 1965 год

Рядом с лодочной станцией в воде стоял сколоченный из досок "лягушатник", где плавали малолетки. Кстати сказать, купаться там было небольшим удовольствием, скользкий дощатый пол и глубина по пояс привлекали сюда только самых маленьких, кому родители в другом месте купаться просто запрещали. Чуть поодаль находились сколоченные из досок и обнесенные буйками водные дорожки для пловцов, стояли деревянные тумбы для старта. Одно время даже было что-

то вроде вышки с доской, откуда спортивного вида мужички сигали вниз головами, вызывая восхищение своих дам.

На лодочной станции давали напрокат лодки, причем при их получении можно было обойтись и без паспорта, оставив "лодочнику" какой-нибудь заводской пропуск или даже часть своей одежды. Час такого удовольствия стоил 20 копеек, кстати, мороженое-эскимо стоило 13, а сливочное – 9 копеек. С лодки можно было нырять и собирать кувшинки, которых и в черте города было полно. Можно было просто курсировать вдоль берегов от железобетонного моста до соседней лодочной станции "Динамо" напротив пивзавода, располагавшегося тогда в здании Вознесенской церкви. А на "повороте" (тоже излюбленное место купания горожан, находившееся метрах в 200 ниже "березки") можно было причалить к острову и поваляться там на песке, подставив бока ласковому солнцу.

На противоположном берегу Кокшаги тоже отдыхали люди, но заливные луга там изобиловали осокой и были покрыты высокой травой, поэтому пацаны туда особо не лезли, предпочитая обжитой и многолюдный правый берег. На "пляже" надо было быть начеку. Тут все время тырили чего-нибудь из одежды. На тряпки время скудное было, поэтому никого не удивляло, когда у соседа уносили ботинки или рубашку, а, бывало, и штаны. Шел такой бедолага домой в трусах, вызывая недоумение прохожих.

Рыбный промысел

На месте теперешнего вантового моста берега соединяла деревянная плотина. Она была щелястая, и городская ребятня, вооружившись сачками, сшитыми из марли и оконного тюля, ловила тут рыбу. Сачки подставляли под струи воды, бьющие из щелей, и ждали, когда рыбешка туда упадет. В полумраке нутра старой плотины курили украденные у взрослых папиросы, ощущали себя причастными к важному делу.

Рыбалка была массовым увлечением. Все лето на Кокшаге "паслись" люди с удочками и сачками. Взрослые с бреднями в черте города особо не лазили, милиция могла привязаться. А мальчишеская братия, скооперировавшись, шумливыми шайками ловила рыбу, сделав импровизированные бредни из марли. Попадалась в основном, конечно, мелочь. Рыболовы постарше уходили "ловить леща" ниже, в сторону “харинской мельницы”. Было такое место в Сосновой роще, где когда-то водяная мельница стояла, имелся омут, серьезные дяди ловили там крупную рыбу. А рыболовы помладше в черте города промышляли.

Больше всего рыбачков было на берегу у пивзавода, где в реку тек мутный ручеек вонючей барды. Слив этот имел неприятный запах, но, по-видимому, особо вреден для окружающей среды не был, потому что в тут мелкая рыбешка собиралась огромными косяками. Вся окрестная малолетняя братва промышляла тут, "сакая чику". Чика – это уклейка, верхоплавка. А "сакали" ее с помощью тройных крючков,

которыми оснащали удочки, не имеющие грузил и поплавков. Тройничок вроде как нахлыст, закидывали подальше и с мелкими резкими подергиваниями вели в верхних слоях воды. Рыбы было так много, что она неизбежно цеплялась за тройник почти при каждой проводке. Или просто ловили чику в неимоверных количествах на жидкое тесто, наматывая его на крючки-заглотыши. Эти ребячьи забавы, кстати, приносили пользу многим неблагополучным, как сейчас говорят, семьям, где денег всегда не хватало. Жареная чика – хорошая еда.

Топкий вонючий берег был выщерблен следами босых ног. У самой кромки воды торчали прутья, от которых в речку уходили поплавочные "закидушки", где на крючки насаживалась та же чика. Обилие мелочи привлекало хищную рыбу, и нет-нет да кто-то под торжествующие вопли окружающих вытаскивал из воды очередного щуренка.

Чуть ниже моста лежал полуостров, при полной воде превращавшийся в остров, куда можно было перейти вброд. Тут на песчаной отмели, ныряя, мальчишки собирали огромное количество ракушек-беззубок, потрошили их и, вырезав "язычки", жарили на костре. Мясо беззубок было твердым, но не испорченные еще никотином и временем зубы могли разгрызать все что угодно. Это была "дичь", продукт "охотничьего" промысла, а значит, съедалась без всяких сомнений, как и наворованные в ближайших садах яблоки (по большей части недозрелые).

На деревянном Вознесенском мосту гуляли парни с барышнями и, останавливаясь у перил, смотрели на быструю воду, рассекаемую стоящими выше моста деревянными "быками", окованными с одной стороны железом. Такими "быками" защищали мост от льдин во время половодья, не всегда, надо сказать, успешно. Льдом Вознесенский мост часто "травмировало". А пешеходный деревянный мостик чуть выше лодочной станции в районе "березки", ведущий в обители жителей заречья, льдом, похоже, ежегодно сносило. Или, может быть, убирали его по осени, а весной строили заново. А мой красивый и спортивный старший брат летом прыгал с него в воду, рискуя снести башку о старые сваи, которыми было утыкано дно реки в этом месте. Над Йошкар-Олой плавилось голубое небо, плыли белые облака, и патефон, выставленный на подоконник в старом деревянном двухэтажном доме за рекой, шепелявя орал: "Мама йо керу, мама йо керу…"

В забытом парке городском

Городской парк культуры и отдыха имени XXX-летия ВЛКСМ в шестидесятые годы никогда не пустовал. Одно время прогулки здесь были бесплатными, потом за вход стали брать 5 копеек. Только какой же дурак будет тратить деньги, когда с другой стороны можно легко перемахнуть через забор? Охраны-то никакой. А на заборе вблизи Республиканской библиотеки пацаны любили сидеть, собирая бо-

ярышник. Он в этом месте рос чрезвычайно крупный и сладкий.

Угол парка, примыкающий к библиотеке, был совершенно неухоженный. Заросший диким кустарником и здоровенными деревьями. Средь кустов валялись мраморные, гранитные, просто каменные памятники, вытащенные из центра парка и брошенные тут. Алкаши выпивали, расположившись на этих памятниках, читали, между стопарями, полустертые надписи типа: "Здесь лежит раб божий…" На месте парка когда-то было кладбище, при строительстве аттракционов немало костей откопали. И никто на это внимания не обращал. Подумаешь, черепок какой-то, мало ли их под землей спрятано. Разве может это помешать карусели построить или танцплощадку соорудить? Прах прошлого у наших ног.

Помню рыли яму под строительство какого-то аттракциона – выкопали несколько черепов, кости там тоже вперемешку валялись. Черепа были красные от глины. Один дворовая пацанва из ямы вытянула и впоследствии начала играть им в футбол, пока кто-то из взрослых не остановил. Впрочем, никто особо не ругался. Просто прикопали череп где-то потихому. Я и запомнил этот случай потому, что мне грязным черепом в грудь по чистой голубой рубашке залепили. Прямо напротив сердца эта чья-то бывшая голова пятно оставила.

А почему в городском парке растительность так из земли прет? И боярышник крупный, и сирень на загляденье. Со-

ки земли. Сколько тут народу позакопано, никто не знает. Давно это было. Вблизи старинного здания с решетчатыми окнами, стоявшего на территории парка напротив городской бани, кроме памятников, свезенных сюда, находили гильзы от винтовочных и пистолетных патронов. Ходили среди нас слухи, что тут когда-то сотрудники ОГПУ людей в этих закоулках у толстых стен расстреливали. В детстве в это верилось, сейчас – не очень. Много у ОГПУ было других укромных мест. Теперешняя мэрия тоже, кажись, на костях расположилась… Чуть не до восьмидесятых поблизости, в университетском сквере, каменные надгробия валялись, на которые студенты присаживались отдохнуть.

В парке городском, кроме аттракционов с разными каруселями, еще Летний театр стоял, где кино показывали, и заезжие артисты иногда выступали. Народу тут всегда было немного, летом – прохладно, можно было смотреть фильм, положив ноги на спинку впереди стоящего стула и закурив. Вблизи имелся павильон достижений народного хозяйства, куда меня мама приводила в детстве. Там стояли золотые снопы пшеницы и ржи, под стеклом раскладывались всякие сельхозпродукты, а в аквариуме плавали разноцветные рыбки. Рыбки юным посетителям нравились больше всего остального.

На открытой эстраде не только пели песни и играли на музыкальных инструментах, но даже устраивали показательные боксерские поединки. Зрелища были не очень прият-

ные. Здоровенные мужики публично били друг друга по мордасам. Разбитые носы, распухшие брылы, мокрые от пота и крови, липкие перчатки, удары которых сотрясали головы и звонко отдавались в раковине эстрадной площадки.

Жизнь – штука сложная

Гораздо приятнее было, когда в выходной день на эстраде играл духовой оркестр. На весь парк слышна музыка. Гуляли ветераны, сверкая многочисленными орденами и медалями. Красивое, мудрое и сильное поколение советских людей, благодаря которым мы появились на свет в великой стране. Каждый год 9 мая они надевали поношенные мундиры с боевыми наградами, пили вино, плакали и целовались. Мы гордились ими, представляя себе, как эти люди бросались с гранатами на немецкие танки и, сжав до хруста зубы, шли в рукопашную.

В комиссионном магазине кто-то из этих ветеранов, имея нужду в деньгах, предлагал на продажу боевые награды. И находились жучки, которые, минуя прилавок, где наградам быть не полагалось, покупали ордена и медали за небольшие деньги, мотивируя это тем, что подобных побрякушек, мол, теперь много и практической ценности они не имеют. Слезы наворачивались на глаза при виде такого. Уходил солдат, унося в кармане смятые купюры, а на груди на гимнастерке дырки от орденов… Кому-то выпить хотелось, потому что жизнь не сложилась, кто-то, наверное, родным хотел мате-

риально помочь…

Это было время радостных ожиданий счастливых перемен. Великое поколение фронтовиков-победителей заново отстраивало страну. Работали беззаветно, ясно осознавая, что за эту возможность многие их товарищи заплатили своими жизнями. И не было тогда среди нас, хулиганистых, в общем-то, пацанов, никого способного чем-то намеренно обидеть бывшего солдата. Мы уважали их.

А бабки по выходным тянулись к Воскресенской церкви, что стояла на берегу реки Кокшаги. Впрочем, кажется, уже где-то в начале шестидесятых церковь снесли. Бабки сетовали, что придется теперь в село Семеновку ездить, где действующий храм остался. Далеко… На месте порушенной церкви появились ямы, через которые пацаны проникали в церковные подвалы. Слухами тогда земля полнилась. Ребята во дворе пересказывали, что видели в подвалах кости человеческие, к стене прикованные. Но, скорее всего, это было вранье. По тем подвалам вплоть до конца семидесятых через разломы в асфальте шпана лазила, устраивая там гнезда. Кстати, после сноса церкви в городе долго говорили о том, что крест на куполе никак свернуть не могли и, кажется, даже взрывали. Хотя за достоверность таких утверждений не ручаюсь, что не видел – то не видел…

Из бараков в новостройки

Йошкар-Ола походила на большую строительную пло-

щадку. Дома росли, как грибы. Центр города постепенно приобретал цивилизованный вид. Кто теперь вспомнит, что когда-то на месте площади Ленина деревянные хибары, окруженные дровяниками и сараюшками, наползали друг на друга, образуя густонаселенный «шанхай» – отголосок времен минувших. Кто вспомнит, сколько неприятностей милиции доставлял раскинувшийся за перекрестьем улиц Коммунистической и Первомайской, «японский городок», состоящий из хаотично настроенных бараков, где проживал подчас очень необеспеченный люд. Из коридоров этих бараков многие пацаны уходили прямиком в зону. Кто за кражи, кто за разбой, кто просто за хулиганство. Тут могли кастетом или тяжелым гаечным ключом по башке двинуть. Ходили слухи, что у тамошнего заводилы Коли-японца при обыске нашли трехлитровую банку, полную золотых часов (якобы он ювелирный магазин «почистил»).

Бараки в «японском городке» были старые, черные, щелястые. Я бывал там иногда в гостях у своего одноклассника. После нашей трехкомнатной «сталинской» квартиры это был совершенно иной, необустроенный, тесный, неопрятный мир. Где на грязных гнилых подоконниках и черных столах лежали остатки пищи, закопченные печки дымили, а летом было полно мух, которых хозяева ловили, развешивая липкие ленты. В кухне у плиты вперемежку с посудой и всевозможными тряпками, сушилась обувь, добавляя в эфир запахи непростого человеческого бытия.

К середине шестидесятых таких уголков неблагополучия становилось все меньше. Частные деревянные дома еще долго будут украшать городские улицы, некоторые стоят до сих пор, но бараки – этот рассадник шпаны и людских пороков, где никто не имел права на полноценную личную жизнь, эти бараки рушили решительно и без сожаления.

Счастливые люди на разном подручном транспорте, бывало, даже гужевом, перевозили в новые многоквартирные дома свои скудные пожитки, упакованные в узлы. Во дворах этих домов возникала новая общность людей, имеющих «свое» жилье. Люди становились добрее. В выходные дни во дворах из открытых окон звучала музыка, мужики играли в домино или карты, и втихаря от жен попивали дешевый портвейн. Женщины занимались семейными делами и ходили друг к другу в гости почаевничать, поболтать. А ребятишкам новые места обитания приносили новые знакомства, открывали новые горизонты. На чердаках многоэтажных домов, куда сорванцы летом лазали как по внутренним, так и по наружным лестницам, был таинственный полумрак, водились голуби и казалось, что облака можно достать руками.

Шебутная ребятня развлекалась, бросая с балконов на прохожих наполненные водой надувные шары, за что участников этих паскудных акций порой вычисляли и у их родителей после встречи с пострадавшими бывали неприятные моменты, которые перманентно перерастали в неприятности для отпрысков.

И этот старый дом на улице Пушкина за школой №11 тоже дожил до наших дней, хотя, говорят, его еще пленные немцы строили. На углу внизу когда-то был “сороковой” продуктовый магазин, а прямо над ним жилые двухкомнатные квартиры, имеющие треугольную нестандартную комнату с выходом на тяжелый балкон с лепными решетками

До больничной койки доводили стройки

Большую часть времени подрастающее поколение мальчишек проводило на стройках. Тут многое привлекало. Строители тех времен ничего не прятали. На рабочих местах оставались и орудия труда, и комплектующие. Кстати, не припомню, чтобы кирпич кто-то воровал. Наверное, потому, что стоил он недорого. Трудно было получить разрешение, например, на строительство гаража. А кирпичные частные дома за свой счет, кажется, вообще редко строили. Зачем, если квартиры давали бесплатно. Со строек домовитые частники рубероид, правда, тянули втихаря, но это уже позже, в семидесятых - обустраивали садовые участки. Строители без лишнего шума пропажи просто списывали.

А в шестидесятых и сторожей-то почти не было, ну может, там на несколько домов для порядка где-нибудь в вагончике и сидела какая-нибудь тетка, но сколько ребята по стройкам ни лазали – охранников очень редко встречали. Отроки включали сварочные аппараты и, заправив электроды, пытались «варить» железяки. Катались в бетономешалках. Проделывали акробатические номера, спускаясь по проволоке с балкона на балкон. Набрав карбида, заряжали им бутылки и, запечатав, бросали в воду или закапывали в песок. Взрывы были слышны далеко, но внимания на это почему-то никто не обращал. Знали – пацанва дурью мается.

Иногда случались казусы. Мне стекло от взорвавшегося в

руках пузырька с карбидом порезало пальцы и воткнулось сбоку в веко, чудом не покалечив глаз. Моему дворовому приятелю Сашке стекло таки воткнулось прямо в глаз, повредив роговицу. Ума-то не было. А «украшение» нашего двора по кличке Ляляс чуть позже упал спиной прямо на кучу строительного мусора с металлической балки, поддерживающей кровлю строящегося Дворца культуры имени XXX-летия Победы, где мы играли в салки. И ничего. Полечился в больнице и все… С головой у него, правда, всю жизнь нелады были и до падения.

Родители не ведали про многие наши забавы, иначе выдрали бы без пощады. Мне особо бояться было нечего, отец меня никогда не бил, а многих моих сверстников папаши ремнем пользовали по полной программе. Может, так оно и правильнее. Вложил ума в задние ворота – надолго запомнится.

Эти странные забавы…

Дворы новостроек имели непрезентабельный вид. Без резиновых сапог в распутицу тут было не пройти. Но с начала шестидесятых постепенно их начали асфальтировать, одновременно с улицами. Катки на ночь оставляли прямо на дороге, парни постарше умели их заводить. И нас научили. Так что в техническом отношении мы тогда были хорошо подкованы – каток могли запросто угнать. На этих катках мы вечерами втихаря, пока не прогоняли, катались, заплющивая

в свежий асфальт на память гвозди и другие железяки.

По всему городу воняло гудроном. Смолу варили в огромных котлах, ею промазывали толь, уложенный в фундамент. Ребятня паслась возле котлов, время от времени окуная в гудрон палки. Постепенно палка становилась похожей на булаву – грозное оружие русских богатырей. Ею можно было с размаху лупить по котлу, издавая жуткие звуки. Что я с удовольствием и делал, пока небритый дядька в рабочей одежде, схватив меня, едва не оторвал ухо. Больше всего его разъярило то, что верные товарищи мои, пытаясь меня освободить, начали бросать в дядю своими булавами. Ухо болело неделю.

В уже заасфальтированном дворе возникали эпизоды почти революционные. Однажды ночью проснулся от цоканья копыт. Выглянул в окно. По свежей асфальтовой дорожке из конца в конец наперегонки со свистом и гиканьем в темноте (двор был еще плохо освещен) скакали всадники, а из окон за ними с недоумением наблюдали обалдевшие заспанные люди. Будто кавалерийский эскадрон случайно во двор залетел. Как потом оказалось, подростки постарше угнали из ближнего пригородного колхоза с десяток лошадей и устроили скачки. Телефоны в новых квартирах были большой редкостью, поэтому в милицию своевременно не позвонили. Кстати, подобные деяния случались не единожды. Говорили, что умные лошади после таких забав большей частью возвращались домой сами, оставшихся собирали по городу.

Плохие мальчики и хорошие девочки

Мне это время брежневской плакатной широты
Запомнилось словесным онанизмом
И тем, что были девочки изысканно чисты,
А мальчики не тронуты цинизмом…

Телефонный кабель в наш дом протянули только ближе к середине шестидесятых. Когда приехали сюда в 1958 году, в доме еще кочегарка была автономная (никакая война не страшна), и плиты на кухнях топили дровами. Дрова носили из подвала. Подвалы под домом огромные, с крутыми лестницами и очень высокими потолками. Каждый поход за дровами стоил моему отцу многих усилий, он смолоду прихрамывал. Мы с братом ему по мере сил помогали. Весной подвалы заливало водой на глубину в метр-полтора, и там можно было кататься на сколоченных из досок плотах. В подвалах, на крышах сараев пацаны устраивали себе лежбища, натаскав сюда старых матрасов и ввернув для освещения дополнительные лампочки. Строили планы на ближайшее будущее, травили анекдоты. И неважно было, что вход в подвал закрывался на ключ, мальчишки, как ртуть, протекали внутрь через вентиляционные окна.

Шпанистый был двор, впрочем, как и все соседние. "Пионеров" и "стукачей" не любили. Публика была разная. Порой дети начальников и “записных” интеллигентов хороши-

ми манерами не отличались, а, напротив, становились заводилами в неприглядных делишках, бывало, попадали на скамью подсудимых и получали реальные сроки. Всякое бывало. Все новые и новые дома принимали жильцов. Ребятни во дворах с каждым годом становилось больше. Дворами дружили. Дворами дрались. Забавное это было зрелище, когда орды вооруженных деревянными мечами и палками "воинов", нападали на представителей соседних территорий. Иногда "набеги" кончались победами, иногда обороняющиеся переходили в контратаки и с позором прогоняли нападавших. Начинала войну, как правило, мелкотня, потом "впрягались" подростки постарше. В конце подсчитывали синяки и шишки, хвастались своими подвигами и оправдывали потери. Особых травм не было, поэтому милиция в дворовые разборки, как правило, не встревала, если они заканчивались без разбитых окон и членовредительства.

Девочки в те времена были добропорядочны. Они играли в “фантики”, в "классы", рисуя на асфальте клетки, в “дочки-матери” - тискали своих кукол, заплетали бантики. И в мальчишеские дела не лезли. Они были благонамеренны и чисты. Потому что в мире всегда должно быть равновесие. И если есть хулиганистые мальчишки, значит, на радость родителям должны быть умные, послушные девочки.

Идите вы в баню!

Баня на улице Комсомольской в те времена была местом

значимым. Разливное пиво рядом продавали. К тому же тут вы могли не только помыться, но и постричься, под "полубокс", например, или под "полечку". Электрических машинок еще не было, стригли ручными. Они, даже если мастер был искушенным брадобреем, все равно время от времени защипывали волосы, отчего посетители в лучшем случае кривили лица. Стрижка такая стоила где-то около 20 копеек. Желающих постричься наголо могли "оболванить" всего за 10 копеек. В вестибюле бани пахло вениками, лимонадом и тройным одеколоном. Автомат, распыляющий одеколон, висел на стене в коридоре, и каждый мог освежиться, опустив в прорезь монетку. Веники продавали прямо в кассе по семь копеек за штуку. А помывка стоила 16 копеек. Можно было недорого взять полотенце и простыню, но желающих было мало. Полотенца в баню приносили свои, а в чужие простыни заворачиваться как-то не принято было, брезговали. Хотя позже, спустя лет десять, уже в семидесятых, банные простыни стали весьма востребованными.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.